

Имя Андрея Геласимова в русской литературе прозвучало в начале нулевых. Его повести — «Жажда», «Фокс Малдер похож на свинью», рассказы — «Жанна», «Нежный возраст», «Чужая бабушка» — стали новым и неожиданным словом в отечественной прозе. Удивительной глубины, смелые, щемлящие, пронзительные произведения эти явились одной из первых попыток честно осмыслить происходящее вокруг, заглянуть в душу человека, который вдруг оказался один на один с новой реальностью. Далее были «Год обмана», «Рахиль», «Дом на Озёрной», «Степные боги» (роман, за который в 2009 году писатель удостоился премии «Нацбест»). В нынешнем году вышла новая работа автора — «Холод», роман-катастрофа, в центре которой оказывается герой, потерявший смысл жизни, равнодушный ко всему, замерзший, ледяной.

Андрей ГЕЛАСИМОВ:

Какой-то холод в нас вползает...

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП»
ВСТРЕТИЛСЯ С ИЗВЕСТНЫМ
ПИСАТЕЛЕМ И ПОГОВОРИЛ С НИМ
О НОВОЙ КНИГЕ, ЗАДАЧАХ
ХУДОЖНИКА И О ПЕТЕРБУРГЕ

«ПРАВИЛА ВЗАИМОПОМОЩИ ПОДВЕРГАЮТСЯ СОМНЕНИЮ...»

— Андрей, в вашем новом романе повествуется о холоде физическом. И холоде душевном, метафизическом. Расскажите в первую очередь, почему вы решили обратиться к теме холода внешнего, к теме катастрофы?

— Да, в романе есть довольно внятный сеттинг — катастрофа. И она действительно реально произошла в Якутске в 2002 году: авария на ТЭЦ, которая привела к тому, что при температуре минус 50 градусов город на восемь часов остался без электричества, тепла, водоснабжения. Если бы это продлилось чуть дольше — город бы погиб! В системе теплоснабжения происходят необратимые изменения, трубы начинают лопаться, и вы уже не можете после этого пустить тепло в дома. Я взял за основу эту историю и погрузил в нее персонажа, у которого холод внутри. Который находится в состоянии криогенной заморозки. Он неживой. Исходя из этого произошла одна важная вещь для меня как для автора: я начал оперировать условно отрицательным персонажем. Я понимал, что если помещу вот в этот катастрофический сеттинг положительного героя, понятного мне, то будет совершенно ясно, как он станет себя вести дальше. И это будет игра белыми фигурами — я делаю ход, а текст просто реагирует на меня. И я стал играть черными. В прежних произведениях все герои были мне очень симпатичны: они были любящие, страдающие, находящиеся в поиске выхода из этого страдания. А здесь я сделал героя, который не страдает. Это ходячий труп. И мне показалось, что холод внешний, как катализатор, способен хоть как-то противостоять этому холоду метафизическому.

— В своих интервью вы говорите, что прообразом главного героя тоже стали реальные люди...

— Да, есть еще одна история, которая легла в основу романа. Лет шесть назад я прочитал в одной провинциальной северной газете историю о семье, которая замерзла на трассе. Семья с детьми. Позже их нашли. А в машине обнаружили записку, в которой были записаны номера проехавших мимо машин. Семь-восемь номеров. Когда я об этом прочитал — я был крайне удивлен. Потому что когда я жил в Якутии — а я жил там 20 лет, — подобного произойти не могло. Север — такое место, где своих не бросают. Если на трассе кто-то заглох

— обязательно надо остановиться и помочь. В советское и чуть постсоветское время никто бы не проехал мимо. А здесь — семь машин! Мне не давали номера этих автомобилей. И вот тогда я понял, что мой герой должен быть в одной из этих машин. Я стал думать — кто он? Какие у него были мотивации проехать мимо? Куда он так торопился?

— Вы стремились написать роман о времени, о нынешнем дне?

— Не могу точно сказать. Но определенный холод в нас вползает. Все проехавшие мимо — ведь у них холод был уже в сердце, вот в чем штука. Я не знаю, с чем это связано. С тем, что мы стали капиталистическим государством? С тем, что буржуазные ценности восторжествовали? Возможно. Я даже не пытаюсь размышлять об этом. Нужен гений Толстого, чтобы взять и на общечеловеческом уровне проанализировать изменения в человеческой душе. Я просто констатирую факт — эти изменения имеют место. В течение семидесяти лет советской власти существовало правило: обогреть, накормить, напоить и только потом спросить у человека имя. А теперь эти негласные правила почему-то подверглись сомнению.

— Роман вы писали четыре года. Почему так долго?

— Все свои романы я пишу долго. «Степные боги» писались пять лет. На это есть чисто физические причины: помимо литературы я работаю в кинематографе, зачастую на что-то другое просто не хватает времени. Но не только поэтому. Текст романа, в отличие от сценарного, требует чисто биологического прорастания. Если сценарий автором конструируется, просто складывается некая история, то роман не поддается подобному моделированию. Проза — если это серьезная проза — предполагает собственное существование, помимо автора. И поэтому пока герои персонажи не проклюнулись, пока не начали рассказывать про себя свои истории — в общем-то я как автор ничего не могу сделать.

«НАДО ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ НАМ БЫСТРЕЙ»

— Во многих своих произведениях вы пристально всматриваетесь в период 90-х годов — время развала, падения. Вы стараетесь как писатель осмыслить, понять — что же тогда произошло, найти ключ?

— Я все время бьюсь над этим. Да, мне непонятно, почему моя родина развалилась в 90-е годы. И как я — весь такой защищен-

ный до этого — оказался там, где оказался. Как это я вдруг проснулся и понял, что один. Почему государство на меня, на университетского профессора с женой и тремя детьми на руках, — плюнуло. И если я завтра сдохну от голода — никого это волновать не будет. И было ощущение сначала страха, а потом — обиды. И тут еще начались чеченские кампании, о которых я рассказываю в своей «Жаде». И этот ужас, когда мои студенты стали возвращаться с войны. И я, не имевший такого опыта, вдруг увидел, что они явно взрослее меня. Они вернулись очень взрослыми! Как университетский преподаватель я полгода не получал зарплату. И американские коллеги, которые приехали к нам по обмену, спрашивали: «А ты зачем ходишь лекции читать? Тебе же не платят». И я говорю: «Ну, если я не буду ходить — тогда вообще все закончится». И вот мы ходили, все преподаватели. Никто тогда не ушел. Я уволился из университета, когда все более-менее встало на свои рельсы. Да, этот распад меня очень волновал. Как на это реагировать? Знаете, я думаю, что граждане России — мы — должны просто работать. Каждый из нас должен что-то делать. Сын подросток — идти в армию. А тебе — построить что-то. Пока, может быть, время настоящего анализа не

скажете?

— Я задаю себе вопрос — что дальше, к чему мы движемся? Например, «Жажду» я писал в модернистском ключе, через поток сознания. «Степных богов» — в абсолютно реалистичном. На эстетическом уровне я сейчас чувствую, что реализм вроде себя как исчерпал. Но что должно появиться дальше — я не знаю. Могу лишь сказать, что я хотел бы увидеть. От нарративных искусств я ожидаю историю! Мне очень нравится любое произведение, где есть внятная история, сильные персонажи, которых я люблю или возненавижу. Которые не оставят меня равнодушным и холодным, как музыка «Депеш Мод» или «Джой Дивижн» или как абстрактное искусство. Вот недавно был объявлен шорт-лист премии «Большая книга», и там были представлены рассказы Анны Матвеевой. Мне стало интересно, я открыл ее рассказы, начал читать. И с первой страницы эта проза меня цапанула: ясная, внятная, не навязчивая, не нарочитая!

— В чем вы видите, раз мы заговорили об этом, задачу художника? Просто рассказать историю?

— Создать произведение, где будут содержаться определенные поэтические смыслы, которых нет напрямую в тексте. Которые словами не прописаны. Если в произведении помимо слов возникают один этаж, два, три — это художественное произведение.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Выпускаю книгу рассказов. Они писались в течение 7 — 8 лет. Новые тексты, которые еще не были опубликованы.

— И конечно, про Петербург. Как часто приезжаете? Дружите с нашим городом?

— Постоянно приезжаю. С огромной радостью, потому что город фантастический. Так случилось, что премию «Нацбест» за «Степных богов» я получил именно в Петербурге: я признателен, что город откликнулся, услышал меня. А еще мне очень памятен первый приезд сюда, много лет назад. Я вышел тогда на вокзале и увидел эту надпись — «Город-герой Ленинград». Ну, для вас она привычная. А меня она сразу пробила — город-герой! Такое же было недавно в Волгограде. Я приехал на празднование Дня Победы в этом году, а там везде — «Сталинград». Ты видишь эту надпись и понимаешь, что не один. А все время хочется это чувствовать.

...Испытания переживать надо. Если испытаний не будет — значит, все закончилось. Я потому и глубоко верующий человек. Я когда это понял, то стало ясно, что и бедность не страшна. И испытания не страшны. И смерть не страшна.

пришло. Сомнений не надо. Надо что-то делать нам быстрее.

— В «Жаде» и рассказах, повествуя о периоде распада, несмотря на все патологии, у вас происходит, однако, торжество человеческого. Вам важно показать, что, несмотря ни на что, люди должны оставаться людьми?

— Знаете, есть такая замечательная китайская мудрость: «Все, что происходит, происходит вовремя». Ну, раз так произошло, значит, так надо было. Судьба была пройти через эти испытания. Другой вопрос — с каким достоинством вы проходите через них?

«Я благодарен Петербургу, что он услышал меня»

— Сейчас принято говорить о дальнейшем пути литературы. О поиске новых форм, новом слове. А вы что на это